

ORIGINAL RESEARCH PAPER

Representing the Persian Realities of the Beginning of the 19th Century in the Russian Artistic Text of the 20th Century (Based on Tynianov's Novel "The Death of Vazir Mukhtar")

Lyudmila Petrovna Ivanova¹

Professor of Slavic Languages Department, National Dragomanov Pedagogical University, Kiev, Ukraine.

(Received: 09 October 2018; Accepted: 03 November 2018; Published: 28 November 2018)

The article is devoted to linguo-imagological analysis of the image of Persia of the 19th century in the Russian language consciousness of the 19th and 20th centuries. The material for the study was the novel of the historian writer Yu. N. Tynianov's "Death of Vazir Mukhtar", dedicated to the last year of life and the tragic death of the poet-diplomat A. S. Griboyedov. The subject of the description in the article was two realities of Persian being, usually the first arising in the minds of people who are not carriers of culture of that time-the Shah's harem and eunuchs. The key characteristic of the harem is the army, the eunuchs are emptiness. These realities, like all the others, are presented as objectively as possible, with artistic instructions on the cause and effect of all events, that is, Yu. N. Tynianov appears as a historian scientist and a talented writer.

Keywords: Scientist-writer, Poet-diplomat, Linguo-imagological Analysis, Harem, Eunuchs.

¹ E-mail: lupiv1303@gmail.com

**Отображение персидских реалий начала XIX века в русском художественном тексте XX века
(на материале романа Ю.Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара»)**

Иванова Людмила Петровна¹

Профессор кафедры славянских языков, Национального педагогического университета, имени М.П. Драгоманова. Киев, Украина.

(дата получения: 09.10.2018 г. дата принятия: 03.11.2018 г. дата опубликования: 28.11.2018 г.)

Статья посвящена лингвоимагологическому анализу образа Персии XIX века в русском языковом сознании XIX и XX веков. Материалом для исследования послужил роман писателя-историка Ю.Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара», посвященный последнему году жизни и трагической гибели поэта-дипломата А.С. Грибоедова. Предметом описания в статье явились две реалии персидского бытия, обычно первыми возникающие в сознании людей, не являющих носителями культуры того времени, - шахский гарем и евнухи. Ключевая характеристика гарема – армия, евнухов – пустота. Указанные реалии, как и все остальные, представлены максимально объективно, с художественными указаниями на причину и следствие всех событий, то есть Ю.Н. Тынянов предстает как ученый-историк и талантливый писатель.

Ключевые слова: ученый-писатель, поэт-дипломат, лингвоимагологический анализ, гарем, евнухи.

پژوهشگاه علوم انسانی و مطالعات فرهنگی
پرتال جامع علوم انسانی

¹E-mail: lupiv1303@gmail.com

Вступление

Обращение к теме обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, участие во II Форуме русистов, прекрасно организованном ИАПРЯЛ, позволившем проникнуться симпатией и уважением к улыбчивым и доброжелательным жителям Ирана. Первое произведение, пришедшее в мое сознание в связи с поездкой в Тегеран, – роман Ю.Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара». Во-вторых, на Форуме я выступала с докладом, посвященным лингвоимагологии – новому разрабатываемому нами направлению языкознания. Лингвоимагология изучает языковое воплощение (поэтому первая часть термина – «лингво») образа (имидж, имагология) одного народа или страны в глазах другого народа. С этих позиций интересен образ Персии в русском языковом сознании. Естественно, это не тема отдельной статьи и даже монографии. Мы отдаем себе отчет в том, что по одному тексту трудно судить об образе страны в языковом сознании, однако, и мы об этом неоднократно писали с опорой на концепцию В.М. Солнцева о варианте/инварианте. В сознании выдающегося представителя того или иного народа формируется вариант инварианта – видение одним народом другого народа. Ю.Н. Тынянов, безусловно, выдающийся писатель-историк, обладавший удивительной интуицией, базирующейся на логике развития образа и событий. Б.О. Костелянец в комментариях к роману отмечает: «Обосновывая право исторического романиста на домысел и вымысел, он (Тынянов – Л.И.) на ряде примеров показывает, как умелое прочтение документа помогает писателю «восполнить» то, что осталось за его пределами. (*«Если вы вошли в жизнь вашего героя, вашего человека, вы можете иногда о многом догадаться сами»*). Такие догадки впоследствии даже подтверждаются вновь найденными документами, ибо эти догадки – результат глубокого «вхождения» писателя в героя и в эпоху» (Тынянов 1988: 440).

Обратим внимание читателя на обозначенные в заглавии периоды. Наши наблюдения показывают, что видение, оценка народа и страны со временем могут меняться, и Персия начала XIX века, в которой так страшно погиб от рук религиозных фанатиков выдающийся русский поэт-дипломат А.С. Грибоедов, в XX веке и в наши дни видится совершенно иной. Не случайно Ю.М. Лотман подчеркивает: (*«Если все органические существа стремятся к стабилизации окружающей их среды, вся их изменчивость – это стремление сохраниться без изменений в подвижном, вопреки их интересам, мире, то для человека подвижность среды – нормальное условие бытования: для него норма – жизнь в изменяющихся условиях, изменение образа жизни. Не случайно с точки зрения природы человек выступает как разрушитель. Но ведь именно культура, в широком толковании, отличает человеческое*

общество от не-человеческих. А из этого вытекает, что динамизм – не внешнее для культуры свойство, навязанное ей ее производностью от каких-то посторонних для ее внутренней структуры причин, а неотъемлемое ее свойство») (Лотман 2001: 498).

Роман посвящен последнему году жизни А.С. Грибоедова, когда он прибывает в Россию из Персии после заключения Туркманчайского (в романе Туркменчайского) мира, в достижении которого играл первостепенную роль, вскоре он вновь отправляется в эту страну уже в ранге посла, Вазир-Мухтара, там он и погиб в январе 1829 года.

Основная часть

Лингвоимагологический аспект романа не самый яркий, тем не менее «В «Смерти Вазир-Мухтара» каждое место, город, дорога и селяне дышат историей, то есть своей прожитой жизнью. Тут нет и немых вещей. Каждый предмет, деталь, каждая черта лица... наполнены содержанием, о котором Тынянов предпочитает говорить не прямо, а иносказательно» (Тынянов 1988: 445).

Известно, что наблюдая жизнь чужого народа или страны, человек обращает внимание прежде всего на то, чего нет в его родной культуре. Таковы в романе гарем и евнухи. Интерес к данным реалиям традиционен, однако в романе Ю.Н. Тынянова они получают интересное описание в оригинально организованных текстах, в которых ведущую роль играет структура последнего, реализуемая прежде всего в абзацах.

При упоминании гарема в сознании реципиента возникают подушки, кальяны, прекрасные женщины (Иванова, 2016). Ю.Н. Тынянов их сразу отвергает. Итак, обратимся к тексту. Его начинает именительный представления – Гарем.

(«Гарем. Забудем связанные с ним слова: подушки, кальяны, шальвары, перси и глаза. Подушек этих тысяча, кальянов – три или четыре тысячи, шальвар тысяча и глаз две тысячи. Гарем не гарем, гарем – учреждение, военный лагерь, женское войско, с предводителями, штатом. С бухгалтерией тканей и поцелуев, с расписанием регул, с учетом беременностей, с интригами ложа. И как в грозное военное время солдат тысячной армии подвергался обыску перед допросом со стороны победителя, так и женщина предстала перед шахом трижды обысканная и совершенно голая. Возможны были повышения в чине и понижения – шла внутренняя война в этой армии») (Тынянов 1988: 283).

Просим извинения за длинную цитату, но пересказать четко структурированный текст невозможно.

Удивительно и ново уподобление гарема военному учреждению, что четко актуализируется автором: второе предложение – определенно личное, предикативный центр, объединяющий в восприятии автора и читателя, с обобщающим словом и однородными членами предложения, называющими стереотипные представления о гареме.

Следующее предложение – абзац – количественные данные о них, что соответствует скорее бухгалтерской книге, а не художественному описанию.

Нетрадиционная трактовка гарема актуализируется далее: «Гарем не гарем» (то есть совсем не то, что подразумевается под ним обычно), вторая часть бессоюзного сложного предложения с предикативным номинативом характеризует гарем: «учреждение», «военный лагерь», «женское войско», обоснование данного положения в последующих дополнениях («с предводителями, штатом, с бухгалтерией тканей и поцелуев (обратим внимание на синтаксически однородные, но эмоционально несопоставимые члены предложения – материальные земные ткани и поцелуи, призванные выражать эмоции и чувства), с расписанием регул, с учетом беременностей, с интригами ложа»).

Последнее положение выводит на кардинальный вывод: ни о какой любви, ни о каких чувствах не может быть и речи: шах – победитель, женщина, голая и униженная, один из солдат тысячной побежденной армии. И как во всякой армии, в гареме–армии были возможны повышения в чине и понижения.

Автор описывает соперничество жен шаха, победительницу избрал не шах – («и состоялось заседание, и долго обсуждало этот вопрос, и дочь хана победила дочь кебабчи») (Тынянов 1988: 283). Обратим внимание на присоединительные конструкции, образующие цепное нанизывание, столь характерное для древних текстов, когда события выстраиваются в одной плоскости, а не в соответствии с причинно-следственными отношениями.

Интересно описание жилья победительницы. («В ее комнате вместо мебели стояли на полу фарфоровые и стеклянные карфины, умывальники, стаканы, рюмки, молочники, соусники. Они стояли в беспорядке, но в таком количестве, что для прохода были только узкие дорожки») (Тынянов 1988: 283-284).

Следовательно, символ благополучия – беспорядочный набор разнородных предметов, и этот беспорядок противопоставлен их огромному количеству (противительный союз «но» - «в беспорядке, но в таком количестве...»). Такая ситуация не могла быть ни удобной, ни приятной.

Отметим из своего туристического опыта удивительно небольшие помещения, в которых жили жены шаха (в Иране) и султана (Топкапы в

Стамбуле). Наши современные представления о роскоши или хотя бы комфорте совершенно иные.

(«Кто мог предводительствовать этой армией, кому можно было его поручить? И женщина и мужчина равно погибли бы. Предводительствовали поэтому евнухи, приставленные сидельцами к гарему») (Тынянов 1988: 284).

Микротекст построен как вопросно-ответное единство с ключевым словом «предводительство».

Евнух же не мужчина и не женщина. Ю.Н. Тынянов ярко описывает процедуру оскопления, причем микротекст построен на параллели между конем и человеком, то есть это крайняя жестокость как по отношению к животным, так и людям. Как обычно, очень важно расположение абзацев. Начинается описание именными конструкциями, мазками ужасающей картины – яркий прием импрессионизма (Иванова, 2003).

(«Ноги в колодки... на морду мешок, и вот тугие яблоки дымятся кровью на снегу. Потом мешок снимают (неопределенно-личная конструкция, палач безличен), и из сумасшедших конских глаз падают слезы на снег. Пар идет из поздрей, пар стоит над боками. Бока ходят. (Начинается параллель конь/человек – животное плачет).

Таково ремесло коновала.

И конь становится тучен и спокоен, он тащит тяжести и больше не ржет. Издалека только, чуя самку, он поводит носом и тотчас клонит покорно голову. У лошадей память коротка.

Но долгая память у человеческого тела, страшны пустоты в теле человека.

И есть евнухи тучные, как кони, как старухи, есть евнухи худые и прямые...

не нужно думать, что евнухи бесстрашны.

Сварливость их, как и сварливость пожилых женщин, вошла на Востоке в поговорку. Так они по мелочам растрачивают запас пустоты» (Тынянов 1988: 330).

Ю.Н. Тынянов, писатель-историк, ученый, подчеркивает причину и следствие:

пустота в теле порождает пустоту (слово в микротексте повторяется несколько раз) в душе. Пустота, с одной стороны, порождает покорность коней, однако евнухи остаются людьми, хотя и ущербными, поэтому они сварливы, как пожилые женщины. Последние повторяются дважды (старухи – пожилые женщины), то есть те, у кого все позади, у евнухов, не начавшись, завершилось.

Обратим внимание на строение текста: каждый абзац – новая важная мысль, которая должна остаться в сознании читателя. Предложения короткие, преимущественно простые. Нередки присоединительные конструкции, сравнительные обороты (как кони, как старухи, как ...сварливость пожилых женщин). Абзацы соединены в тексте смысловыми скрепами: память лошадей – память человеческого тела, пустоты, старухи – пожилые женщины. Наблюдается игра слов – «пустоты в теле человека» – «запас пустоты» (омографы).

В нашем традиционном представлении евнухи – безликие хранители гарема. Русский писатель-историк убеждает нас в обратном: это были хоть и ущербные, но сильные личности. Ю.Н. Тынянов подчеркивает: *(«Представление об этих евнухах как о жалких и даже комических лицах, подобных евнухам комедий из восточного быта, следует сразу же откинуть»)* (Тынянов 1988: 284), то есть, с одной стороны, автор указывает на сложившиеся стереотипы, возможно, не только в русском сознании, с другой – на яркое несоответствие персидских евнухов этим стереотипам – «откинуть» предполагает резкое движение, а не более нейтральное «отказаться» и т.п.

Опять возникает параллель гарем/армия: *(«Предводители тысячной женской армии были лицами по самому положению своему могущественными»)* (Тынянов 1988: 284). Постпозиция главной характеристики существенно актуализирует ее в сознании читателя. *(«Большой толковый словарь русского языка» приводит следующие значения: «Могущественный. 1. Большая сила и власть. 2. Могучий. Очень большой, значительный (по силе, степени, величине); мощный... // обладающий большой силой, мощью (о воинских соединениях, укреплениях и т.п.). 3. Чрезвычайно сильный по своему воздействию, влиянию»)* (Большой толковый словарь 1998: 549). Как видим, все характеристики относятся к чему-то глобальному, важному. Это совсем не то, что у И.А. Крылова «Султан курятника спесивый».

(«Главных евнухов было три: Манучерх-хан, урожденный Еникоплов, Хорсов-хан, урожденный Кайтамазянц, и Ходжа-Мирза-Якуб, урожденный Маркарян») (Тынянов 1988: 284).

Поскольку в художественном тексте ничего случайно быть не может, указание на происхождение значимо: главные евнухи не были урожденными персами – фамилии их скорее армянские, чем иранские. Возникает вопрос: персы своих соплеменников не оскопляли? В романе автор отсылает читателя к историям, рассказанным Геродотом, Ксенофонтом, Евриподом, Петронием, Апулеем (Тынянов 1988: 331), то есть явление было распространено, но в Персии главные евнухи не персы. Однако итог всех этих историй таков: *(«Так на диком дереве, которое надрезал садовод и забыл привить, растут терпкие*

и кислые плоды, яблоки с диким зеленым мясом») (Тынянов 1988: 331). Как противоестественно, дико и страшно описанное явление, так противоестественны «яблоки с диким зеленым мясом».

Имена евнухов в романе Ю.Н. Тынянова свидетельствуют об их высоком положении: «Титул мирзы дается в Персии лицам, владеющим пером, титул хана – лицам власти (Тынянов 1988: 284), *итак, один из них владел пером, двое лица власти*».

Автор останавливается на статусе каждого евнуха («Манучерх-хан, брат русского полковника, был главным шахским евнухом. Он имел право докладывать лично шаху о чем угодно. И он, естественно, часто встречал шаха. Сам Аббас-Мирза, перл шахова моря, искал в могущественном евнухе, но евнух отказал ему в покровительстве. Евнух был хранителем всего достояния шаха – жен и казны») (Тынянов 1988: 284). Повторенная характеристика «могущественный» интерпретируется через взаимоотношения с шахом, даже «искания самого Аббас-Мирзы», «перла шахова моря» (изысканный оборот персидской поэзии) евнухом были отвергнуты. Интересно определение «всего достояния шаха» – «жены и казна». Возможно, присутствует авторская ирония. Заключительное предложение построено номинативами: предикативный номинатив в творительном падеже (хранителем), дополнение (достояния шаха), уточнения («жен и казнь»). Практически вся характеристика Манучерх-хана лишена однозначных глаголов, что создает впечатление статичности и стабильности.

Описание второго евнуха – мирзы начинается противительным союзом: («А Ходжа-Мирза-Якуб был наиболее опытным бухгалтером государства, он, искусный в двойной бухгалтерии, составлял годовые отчеты шаху. Он первый в Персии заменил старинные персидские знаки, запутанные и доступные только метофам, индийскими цифрами, которые в Европе зовут арабскими. И метофы страны, старые грамоты, были его врагами») (Тынянов 1988: 284). Подвижность ума Ходжи-Мирза-Якуба не случайно противопоставлена статичности Манучерх-хана: «наиболее опытный бухгалтер государства», «искусный в двойной бухгалтерии», он ввел индийскую систему цифр. Указанные характеристики оформляются глаголами: «составлял отчеты», «заменил».

Хосров-хан предстанет перед читателем в конце романа, когда он будет руководить поисками тела А.С. Грибоедова.

Тем не менее, («Манучерх-хан, Хосров-хан и Ходжи-Мирза-Якуб составили особое торговое товарищество. Они устанавливали цены на нужные гарему товары и драгоценности, закупали их и перепродавали женщинам».

После шаха они были самыми богатыми людьми»(Тынянов 1988: 284-285).

Итак, причина «могущественности» открыта: двойная бухгалтерия. обман женщин сделали их самыми богатыми после шаха людьми.

Лейтмотив характеристики евнухов – пустота. Она не заполнялась богатством.

(«Хосров-хан заполнял пустоту – амазонскими играми и роскошью. Манучерх-хан – властью, деньгами, сундуками. А у Ходжи-Якуба была библиотека, он занимался наукой яростно, как любовью. По целым дням сидел он над книгами. Но по ночам он не спал. Сухими глазами он смотрел в гладкий потолок. Пустота лежала рядом с ним. Когда она делалась очень большой, он засыпал. Днем он бывал спокоен, как и прилично евнуху. Он был богат, строен и учен») (Тынянов 1988: 330).

В коротком фрагменте, посвященном Ходжи-Якубу, 7 раз повторяется личное местоимение мужского рода «он», то есть подчеркивается пол евнуха – причина пустоты. В указанном аспекте интересна любовь Хосров-хана и Ходжи-Якуба к девятилетней девочке. Ее подарил Хосров-хану правитель. *(«Хосров-хан прозвал ее Диль-Фируз – радость, и так стали ее звать все»*) (Тынянов 1988: 332).

Хосров-хан сделал девочке дорогие подарки. *(«Она полюбила его черные, подведенные глаза, его немужское веселье, быстроту и шутки. Он рассказывал ей самые смешные рассказы, которые только знал, и она падала со смеху на ковер. Они возились»*) (Тынянов 1988: 332). В восприятии Диль-Фируз Хосров-хан не мужчина («подведенные глаза», «немужское веселье»); автор же подчеркивает именно данный фактор: повторяющееся местоимение «он» в различных формах, мужской род глаголов («знал», «рассказывал»). Завершает описание гармоническое «они» («они возились»).

Девочку полюбил и Ходжа-Якуб. Он тоже дарил ей дорогие подарки, обучал армянскому языку. Раз он сказал Хосров-хану:

(- Хосров-хан, моя жизнь безутешней твоей, я не люблю ни лошадей, ни сластей, а моя наука иссушила меня. Если ты отдашь мне Диль-Фируз, я достану тебе трех арабских жеребцов, которых нет во всем Иране») (Тынянов 1988: 332).

Несколько позднее:

(- Я отдам тебе свою долю в нашем деле, - сказал Мирза-Якуб, и голос его пресекался, - и сам останусь беден. Отдай мне Диль-Фируз») (Тынянов 1988: 333).

С одной стороны, высказывания Мирзы-Якуба свидетельствуют об искренности его чувств («голос его пресекался»), с другой стороны, идет торг как за какой-то предмет, а не за любимого человека.

Хосров-хан предложил Диль-Фируз самой сделать выбор, проявив определенное благородство:

(«Когда Хосров-хан спросил ее, хочет ли она идти и Мирзе-Якубу, она стала целовать белые ханские руки и заплакала.

- Отчего ты не хочешь идти ко мне? - спросил ее тихо Мирза-Якуб. - Я дам тебе кольца, сласти и платья.

- У него черные глаза, - сказала Диль-Фируз и указала пальцем на Хосров-хана, - а у тебя зеленые, я боюсь твоих зеленых глаз.

Тогда Мирза-Якуб усмехнулся и больше ни о чем не просил у Хосров-хана.

Но он приходил к нему каждый день и каждый день приносил ей подарки и брал ее руки в свои. И когда Хосров-хан уходил за чем-нибудь в соседнюю комнату, Ходжа-Якуб обнимал ее») (Тынянов 1988: 333).

Следовательно, евнухи способны любить, но чувства их неестественные.

Тем не менее, главная задача евнухов – служение шаху: *(«Вошли, осторожно ступая, три евнуха, как три шахских мысли: Манучехр-хан, как мысль о золоте, Хосров-хан, как мысль о веселой конской скачке, и Мирза-Якуб, как мысль об отчете, написанном индийскими цифрами»)* (Тынянов 1988: 333).

С одной стороны, подчеркивается трепетное отношение к шаху («осторожно ступая»), с другой стороны, важность их деятельности для шаха – «мысль», причем в ней сосредоточена квинт-эссенция деятельности каждого евнуха с позиций автора романа.

Таковы две важные реалии персидской жизни XIX века – гарем-армия и его могущественные предводители – евнухи.

Заключение

Ю.Н. Тынянов поставил перед собой сложнейшую задачу: точно воспроизвести образ талантливой личности поэта-дипломата А.С. Грибоедова, логику его поведения в новых-чужих и во многом враждебных условиях. События происходили в первой трети XIX века, роман написан на 100 лет позднее, наши впечатления сложилось еще почти через 100 лет. Тем не менее, никакого диссонанса нет, что свидетельствует, с одной стороны, о художественном даре, а с другой – об эрудиции писателя-историка.

Во главу угла в статье поставлен лингвоимагологический анализ. Мы увидели Персию как бы глазами А.С. Грибоедова, но образ страны сформирован Ю.Н. Тыняновым. Гарем и евнухи абсолютно чужды русскому сознанию и быту как того времени, так и современному. Однако читателю они интересны во все указанные периоды. Так формируется второй постулат лингвоимагологического анализа (первый – важность времени восприятия народа или страны): оценка характеризует не столько оцениваемое, сколько

оценивающего. И А.С. Грибоедов, и Ю.Н. Тьнянов предстают людьми образованными, понимающими и знающими жизнь Персии, а она чужда, сложна и неоднозначна. Недостаточное знание всех реалий, недальновидная политика государства привели к трагической смерти Вазир-Мухтара название.....должности (посланник) под пером Ю.Н. Тьнянова превратилось в имя собственное), что актуализировало причину гибели А.С. Грибоедова: во время джихада убивали посла.

Таким образом, роман насыщен интересной разнообразной информацией. Остается сожалеть о том, что таких романов о жизни загадочной Персии очень мало.

Список литературы:

Большой толковый словарь русского языка /Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов–

СПб: Коринт. 1998.- 1536 с.

Иванова Л.П. Когда же возник русский импрессионизм? //Европейские языки :

историография, теория, история: Межвузовский сборник научных работ.

Выпуск 4. –Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2003, С.92-97.

Иванова Л.П. Арабский мир глазами Н.В. Гоголя // Филологические науки.

Международный научный журнал. -2006. №6, С.33-43.

Лотман Ю.М. Семиосфера.- Санкт-Петербург: «Искусство-СПб», 2001.- 704с.

Тьнянов Ю.Н. Смерть Вазир-Мухтара: Роман / Послес., прим. Б.О. Костеляна.

–К.: Дніпро, 1988. – 464 с.

References

Bolshoi tolkovyi slovar russkoho (1998). yazyka /Sost. y hl. red. S.A. Kuznetsov, -SPb: Korynt, 1536p.

Ivanova L.P. (2003). Kohda zhe voznik russkii impressionizm? *Evropeiskie yazyki: istoriografiya, teoriya, istoriya: Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh rabot* Vypusk 4. –Elets: EHU im. Y.A. Bunyna, pp.92-97.

Ivanova L.P. (2006). Arabskiy mir glazamy N.V. Hoholya. *Filologicheskie nauki Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal*. №6, pp.33-43.

Lotman Yu.M. (2001). *Semyosfera*.- Sankt-Peterburh: «Yskusstvo-SPb», 704p.

Tynyanov Yu.N. (1988). *Smert Vazyr-Mukhtara: Roman, Posles., prim. B.O. Kostelyana*.–К.: Dnipro, 464p.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Ivanova, L. P. (2018). Representing the Persian Realities of the beginning of the 19th Century in the Russian Artistic Text of the 20th Century (Based on Tynianov's Novel "The Death of Vazir Mukhtar"). *Language Art*, 3(4):pp.93-104, Shiraz, Iran. [in Russian]

DOI: 10.22046/LA.2018.24

URL: <http://www.languageart.ir/index.php/LA/article/view/83>

نمود حقایق پارسی آغاز قرن نوزدهم میلادی در متون هنری روسی قرن

بیستم

(براساس رمان «مرگ وزیرمختار» اثر تینیانوف)

لویدمیلا پترونا ایوانووا^۱

استاد بخش زبان‌های اسلاوی، دانشگاه ملی آموزشی درگومائف،
کی‌یف، اوکراین

(تاریخ دریافت: ۱۷ مهر ۱۳۹۷؛ تاریخ پذیرش: ۱۲ آبان ۱۳۹۷؛ تاریخ انتشار: ۰۷ آذر ۱۳۹۷)

این مقاله تصویر ایران قرن نوزدهم در گنجینه‌ی زبان روسی قرن‌های نوزدهم و بیستم را با تحلیلی تصویرشناختی-زبانی نشان می‌دهد. موضوع این مقاله رمان «مرگ وزیرمختار» اثر یوری تینیانوف است. این رمان به آخرین سال زندگی و مرگ غم‌انگیز شاعر دیپلمات ای. اس. گریبایدوف پرداخته است. موضوع مورد بحث این مقاله دو حقیقت ایران قدیم است: حرم‌سرای شاه و خواجه‌های حرم-که معمولاً در ذهن پارسیان، ناقل فرهنگی آن زمان به حساب نمی‌آیند. ارتش نقش اصلی را در حرم‌سرا ایفا می‌کند؛ ولی خواجه‌های حرم نقش خاصی ندارند. این حقایق مانند حقیقت‌های دیگر با رهنمودهای هنری تابع تمام رویدادها، تا حد امکان به صورت واقعی معرفی شده‌اند. بدین ترتیب می‌توان گفت که تینیانوف دانشمندی تاریخ‌نگار و نویسنده‌ای قابل بوده است.

واژه‌های کلیدی: دانشمند-نویسنده، شاعر-دیپلمات، تحلیل تصویرشناختی زبانی، حرم‌سرای شاه، خواجه‌های حرم.

¹ E-mail: lupiv1303@gmail.com